

Александр Гогун

**КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ
КАК ЭТО БЫЛО В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ**

Bogdan Musial [Hrsg.], *Sowjetische Partisanen in Weissrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranowici. 1941–1944. Eine Dokumentation* (Muenchen: R. Oldenbourg Verlag, 2004): s. 271.

...По ряду причин – дальности расстояния, более слабому проникновению наших организаторов, отсутствию во многих районах подпольных партийных центров и налаженной связи – партизанское движение в западных областях Белоруссии развито более слабо. ...

Партийные организации и партизанские отряды в своей работе должны учитывать особенности обстановки в западных областях: деревня в западных областях единоличная, в связи с чем немцы усиленно разжигают частнособственнические инстинкты и запугивают население колхозами; несколько отличный от нашего уклад жизни населения западных областей, обусловленный долгим нахождением под властью польских панов; более распространенные религиозные чувства; националистическая обработка известной части населения со стороны различных польских нелегальных организаций и натравливание их на белорусское население; враждебная деятельность остатков разгромленных при существовании советской власти партий и организаций.

Глава Центрального штаба партизанского движения,
первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии
Пантелеймон Пономаренко, 2 августа 1943 г.

Может вызвать удивление то, что события, происходившие на территории Советского Союза, часто лучше изучены за рубежом, нежели в России, Белоруссии, Украине или других бывших республиках СССР. Западные учёные приезжают в местные архивы, собирают материал и потом публикуют исследования, ломающие сложившиеся представления о процессах, событиях и явлениях советской истории. К подобным работам, в частности, относится последнее исследование польского историка Богдана Мусяла, живущего и работающего по большей части в Германии: "Советские партизаны в Белоруссии. На примере Барановичской области. 1941 – 1944. Документы" (по-немецки). Работа представляет собой нечто среднее между сборником документов и монографией: 25 страниц – вводная статья ко всему сборнику, и ещё пять вводных статей по 5-7 страниц к пяти блокам публикуемых документов:

- возникновение партизанского движения, организация, состав и задачи;
- боевые и диверсионные действия, операции по материально-техническому обеспечению, пропаганда;
- отношение к мирному населению, внутренние конфликты, дисциплина;

- еврейские партизаны;
- польско-советская партизанская война в области Барановичи.

Все опубликованные здесь документы находятся в минском Национальном архиве, рядом с каждым актом в книге приведена соответствующая ссылка – номера фонда, описи, дела и листов. Подавляющее большинство приведённых в книге свидетельств эпохи – документация самих партизан: переписка отрядов с Центральным и Белорусским штабами партизанского движения, приказы руководства "народных мстителей", отчёты о проделанной работе, докладные записки с обзором военно-политической ситуации и т.д.

Барановичская область выбрана целенаправленно: в межвоенные годы она находилась в составе Польши, и её население составляли три крупные этнические группы – белорусы, поляки и евреи. Как советская власть, так и нацисты в своей политике существенно разделяли эти национальности, поэтому интересно проследить не только социальные, но и межэтнические отношения в условиях нацистской оккупации и партизанской войны – в том числе войны красных партизан против польской Армии Крайовой (АК). Барановичская область – довольно крупная: перед войной её площадь была 23,3 тыс. кв. км, а население составляло 1 млн 184 тыс. человек (к концу войны только красных партизан здесь насчитывалось более 30 тыс.). Свыше 20% территории области составляли болота, свыше 24% – леса, поэтому местность хорошо подходила для действий партизан. Эти действия и попытались организовать советские органы власти, прежде всего НКВД-НКГБ, в первые дни и недели войны (Минск был взят немцами 28 июня 1941 г.).

Роль органов госбезопасности в организации партизанского движения на протяжении всего послевоенного времени замалчивалась – война за линией фронта была объявлена "народной" или даже "всенародной". Поэтому говорить о том, что на самом деле, особенно в начале войны, "народными мстителями" были люди "с холодной головой и горячим сердцем", не рекомендовалось.

В первый год войны даже в лесистой Белоруссии партизанское движение, несмотря на все усилия по его развитию, было очень слабым. 2 июля 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко сообщал Сталину: "В Белоруссии развернулось партизанское движение, например, в Полесской области каждое село, колхоз имеют партизанский отряд. Коммунисты оставлены нами на подпольной работе для организации и руководства. Оставлено, отобрано и послано около 1500 человек. Сегодня мной послано 50 отрядов в занятые районы с особо важным заданием, смысл которого не доверяю бумаге". Однако действительность показала, что неважно, сколько человек оставлено, – важно, сколько из них может вести борьбу.

Заместитель народного комиссара внутренних дел Всеволод Меркулов отмечал в директиве от 27 июля 1941 г.: "...Отряды и группы создавались в спешке, буквально за несколько часов, из лиц, которые друг друга не знают, не умеют обращаться с оружием, в частности, с гранатами и взрывчеществами... Для отрядов и групп не выделяются проводники из местных жителей, не выдаются карты и компасы... Отряды и группы инструктируются коротко, в результате чего они не получают достаточно ясного представления о том, что и как они должны делать... Вопросы одежды, питания совершенно не продумываются..."

Подготовленные таким образом партизаны стали лёгкой добычей немецких и коллаборационистских полицейских частей, особенно тяжкой для партизан была зима 1941–1942 гг. По данным Центрального штаба партизанского движения, на начало 1942 г. на всей оккупированной территории СССР насчитывалось 248 отрядов и групп, в которых находилось 34,5 тыс. "народных мстителей", большинство из которых действовало в Белоруссии. Позже, когда Красная армия начала одерживать на фронте победы, а немцы показали населению особенности "нового порядка", численность "народных мстителей" значительно выросла.

Представление о партизанах как добровольных борцах за народное счастье лишь отчасти соответствует действительности: руководство "народных мстителей" с 1942 г. под угрозой расстрела насильственно мобилизовало крестьян в красные отряды. До того партизанами были преимущественно чекисты, представители бывшего партсоактива, окруженцы и бежавшие из лагерей военнопленные.

Центральное руководство "народными мстителями" в общем и целом не доверяло не только местному населению, но и самим партизанам. Начиная с 1942 г. в каждом крупном партизанском отряде существовал особый отдел НКВД, который не только боролся со шпионажем и расстреливал "антисоветский элемент", но и проверял всех и вся на благонадёжность. Только в Барановичском соединении партизанских отрядов на начало 1944 г. агентурная сеть насчитывала 2 тыс. сексотов.

Недоверие было во многом обоснованным: руководители партизанских отрядов хронически ввали в своих отчётах в центр, постоянно преуменьшая собственные потери и баснословно преувеличивая потери врага. Так, после войны на основе донесений партизан количество убитых врагов оценивалось в 1,5 млн. человек. Используя немецкие документы американский исследователь Джон Армстронг вывел другую цифру – 45 тыс. человек, половину из которых составляли немцы. В данном случае 95% успехов партизан существовало только на бумаге.

Зато отнюдь не на бумаге буйствовал коммунистический партизанский террор, который стал для населения оккупированной области настоящим бедствием. Как писал во второй половине 1942 г. в донесении в политуправление Красной армии помощник командира 125-го партизанского отряда имени И.В. Сталина Никита Бурцев, "большинство партизанских отрядов питаются, одеваются и вооружаются за счет местного населения, а не за счет добытого в боях с фашизмом. Население проявляет недовольство и говорит: "Немец обдирает, партизанам дай". При заготовке продуктов и одежды со стороны отдельных партизанских отрядов проявляются элементы мародерства и хулиганства".

Следующее свидетельство не менее интересно – оно принадлежит партизану Рудько, воевавшему в бригаде Никитина: "На территории Западной Белоруссии (к которой также относилась и Барановичская область. – А.Г.) сотни тысяч партизан. Это, главным образом, пленные и окруженцы, вооружены за счет лесов и местного населения (которое подобрало его на полях сражений в сентябре 1939 или в июне 1941 гг. – А.Г.). Опирируют в большинстве своем малочисленными группами в 20-40 человек, неплохо, особенно весной и в период, когда были еще гмины (волости), били немцев. Но это была голая стихия, это была месть пленного за все то, что он видел и испытал у немцев. Теперь же они почти все бездействуют – истощились запасы

боеприпасов, ни с кем они не связаны, на 100% оторваны от советской действительности. Установки партии и правительства по вопросу партизанского движения не знают. Живя и бездействуя, они неизбежно превращаются в излишний баланс для крестьянства и восстанавливают крестьянство против партизан в целом. Значит наносит вред партии и правительству, конкретно происходит это так: когда нет немцев партизаны свободно расхаживают по деревне, никакой работы с крестьянами не ведут, берут у них коров, овец, хлеб и другие продукты. Когда же появляется карательный отряд, партизаны, не сопротивляясь, бегут, а крестьян бьют и палят за то, что содержали и кормили партизан. Крестьяне прямо говорят: "На какой черт мне такие партизаны, которые забирают последнее и не могут оборонить меня от немца. Не было бы вас, меня не бил бы и палил немец". Это, во-первых. Во-вторых, крестьянина возмущает метод заготовки (так называемый бомбежки) продуктов, которая происходит следующим образом:

Отряд (группа) получает от командования соответствующую деревню-две. Выезжает ночью, и подряд, забирает в каждой хате все что найдет: сало, масло, сметану, хлеб и др. продукты. Отсюда крестьяне все поголовно прячут. Нередки случаи, когда наряду с продуктами такие "партизаны" обыскивают шкафы, сундуки и берут одежду и сапоги и даже предметы роскоши: одеколоны, часы и др. вещи. Забирают лошадей и повозки для отвоза продуктов, обещая их вернуть, но фактически редко их возвращают. Все это делается без учета социального и экономического положения семьи. Не случайно, когда приезжают партизаны в деревню, играющие во дворе дети, заметив их, бегут в дом и кричат: "Мама, партизаны едут". И мама начинает прятать все, что имеет.

Все это происходит потому, что партизаны оперируют в лесах района, но сам район не контролируется, не удерживается, и централизованных заготовок не ведут. Помещики и гмины (волости) разбиты, семьи полицейских в основном разгромлены, и крестьянство осталось как единственный источник для добывания продуктов".

Так описаны партизаны, которые не имели связи с Центром.

Но и "настоящие" красные партизаны вели себя не лучшим образом – например, партийный функционер Дубов так в июле 1943 г. описал положение в бригаде им. М.В. Фрунзе, насчитывавшей 650 бойцов (нелепость усугублялась тем, что эта бригада состояла преимущественно из молодых местных крестьян, насильно мобилизованных в ряды "народных мстителей"): "Командование бригады боевых задач перед отрядом не ставило, не проводило ни одной боевой операции. Обучением и сколачиванием бригады и отрядов не занималось. В бригаде и отрядах отсутствовала дисциплина, процветало пьянство, мародерство и незаконные расстрелы. Население отзывалось о Фрунзенской бригаде, как о мародерах и бандитах".

Врачи, находившиеся в партизанских отрядах, отмечали, что у партизан начинались заболевания из-за того, что в их рационе питания было слишком много мяса. При этом из-за хозяйничанья немцев и "народных мстителей" в ряде районов Западной Белоруссии оставалось по одной корове на 5-7 дворов и по одному коню на 7-10 дворов.

Как показывают опубликованные в книге документы, Центральный штаб партизанского движения с 1943 г. пытался улучшить дисциплину в рядах "народных

мстителей", прекратить повальное пьянство, как-то регламентировать партизанский террор и снизить интенсивность грабежей и вымогательств, а изнасилования местного населения вовсе пресечь.

Партийное и чекистское начальство было также недовольно частыми случаями конфликтов между партизанами, перестрелками соседних отрядов, убийствами одними партизанами других. За подобные "проказы" в отрядах стали расстреливать, наказывать кратковременным заключением или обязывать к выполнению сложного задания. Но толку от таких приказов было мало, и случаи "морального разложения" фиксируются в массовом порядке среди белорусских советских партизан вплоть до лета 1944 г.

Принято считать, что основным занятием партизан была борьба с оккупантами. Однако приведённые в книге документы показывают, что дело обстояло далеко не так, по крайней мере, в исследуемой области. Как пишет Мусял, "нападения партизан лавинообразно росли на протяжении 1942 г. Партизаны целенаправленно нападали на одиноких немецких солдат, полицейских и служащих оккупационной администрации, охранников, бургомистров, хозяйственных работников и других – всех, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами; убивали их и грабили. Особенно доставалось именьям и сельхозпредприятиям. Партизаны нападали на них систематически, разрушали оборудование, сжигали здания и уничтожали зерно. Эти операции советские партизаны продолжили в 1943 г., так что до конца 1943 г. большинство сельхозпредприятий и усадеб было уничтожено... Партизаны Барановичского соединения вели большинство вооружённых акций против добровольческих и самооборонных отрядов, так же, как и против польских партизан из АК. К маю 1944 г. были уничтожены не меньше 19 из 26 находившихся в области вражеских пунктов обороны, которые были заняты представителями белорусской (а также украинской, литовской и латышской. – А.Г.) полиции (“самоховы” [“самообороны”]), “казаками” и “белополяками”. Эти акции, как правило, были связаны с репрессиями против гражданского населения".

Например, в боевом донесении № 070 штаба партизанской бригады "Вперёд" об уничтожении гарнизона в деревне Люгомовичи 27 марта 1944 г., значилось: "Во время 3,5-часового боя по неполным данным было уничтожено до 250 немцев и полицейских и до 400 родственников полицейских...".

Если массовый террор против коллаборационистов и их родственников был инициативой, как самих "народных мстителей", так и их руководства, то война советских партизан с Армией Крайовой была вызвана преимущественно приказами главы Центрального штаба партизанского движения Пономаренко. Последний не мог не получить по этому поводу соответствующих санкций Сталина: решение о войне против антинацистских формирований, действующих в соответствии с соглашениями с западными союзниками, было бы для одного Пономаренко слишком важным политическим шагом.

Командование АК и командиры боевых формирований первоначально хотели наладить с красными партизанами сотрудничество в борьбе с оккупантами. Однако ненависть главы ЦШПД и Сталина к "польским фашистам", как именовали бойцов АК советские пропагандисты, была столь велика, что летом 1943 г. последовал приказ –

разложить польские отряды пропагандой. Позже, в ноябре 1943 г., директивы стали более жёсткими: взять в плен и/или уничтожить командный состав АК, а рядовых бойцов либо разоружить, либо включить в советские отряды.

Подобная операция была проведена, в частности, 4 декабря 1943 г., когда командование одного из отрядов АК пригласили на переговоры и арестовали, а после допроса командиров частично отправили в тюрьму, частично расстреляли. Из 310 человек, состоявших в этом польском отряде, во время "спецоперации" было разоружено 230, убито 10, ранено 8. Производились попытки и других подобных акций. Последовала вполне предсказуемая реакция: АК в Белоруссии почти полностью свернула бои против немцев и начала сражаться против красных партизан, часто вопреки приказам своего политического руководства, находившегося в Лондоне. Только в одной Барановичской области с мая 1943 до июля 1944 г. между отрядами АК и советскими партизанами прошло не меньше 230 боёв и вооружённых столкновений.

Особенно досаждал красным отряд прапорщика Здислава Нуркевича. Командование бригады имени Жукова жаловалось в начале 1944 г.: "Банда Нуркевича наносит нам удары сильнее, чем немцы. Она безнаказанно действует в районе Столбцов и Ивенцев. Во время внезапных нападений на деревни она убивает и берёт в плен [советских] партизан и связанных с ними людей".

О тайном приказе начать боевые действия против АК узнали как сами польские партизаны, так и немцы, с помощью пропаганды, охотно подлившие масла в огонь. Поскольку война "народных мстителей" против АК велась по-советски, то есть в сочетании с террором против польского населения, последнее начало вступать в коллаборационистскую полицию и организовывать группы местной самообороны. Более того, отряды АК в Белоруссии стали налаживать контакты с немцами в надежде получить от них оружие, а также поддержку в борьбе против красных. В конечном итоге, отряды АК в Белоруссии были разгромлены НКВД и НКГБ в 1944-1945 гг. При этом контакты польских партизан с немцами были использованы в качестве одного из пропагандистских аргументов для оправдания действий советской власти против Армии Крайовой.

Заканчивая обзор книги польского историка, можно сделать недвусмысленный вывод о коммунистическом партизанском движении в Белоруссии. В советском политическом лексиконе существовал термин "политический бандитизм" – или, сокращённо, "политбандитизм" – для обозначения антикоммунистической повстанческой и партизанской деятельности. Однако, как показывает исследование Богдана Мусыла, а также опубликованные им документы, это определение неплохо подходит к красным партизанам, сочетавшим масштабные и безоглядные "хозяйственные операции" с истреблением действительных, мнимых и потенциальных противников советской власти, членов их семей и нередко непричастного к военно-политическому противостоянию мирного населения.